

Читайте в сериях
«Все счастливые семьи. Российская коллекция»
и «Все счастливые семьи. Зарубежная
коллекция»:

Татьяна Ясникова
«ХОД БЕЛОЙ ЛОШАДКОЙ»

Анри Труайя
«СЕМЬЯ ЭГЛЕТЬЕР»
«ГОЛОД ЛЬВЯТ»
«КРУШЕНИЕ»

Филипп Эриа
«СЕМЬЯ БУССАРДЕЛЬ»
«ИСПОРЧЕННЫЕ ДЕТИ»

Эмиль Золя
«ДОКТОР ПАСКАЛЬ»

Татьяна Ясникова

ХОД БЕЛОЙ ЛОШАДКОЙ

СЕМЕЙНАЯ САГА
ПОД ЩЕДРЫМ НЕБОМ БАЙКАЛА

АЗБУКА
МОСКВА

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Я82

Иллюстрация на переплете
Марины Ларченко

Издание подготовлено при участии
Литературного агентства «Флобериум»

Я82 Ясникова Т.
Ход белой лошадкой : роман / Татьяна Ясникова. — М. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. — 736 с. — (Все счастливые семьи. Российская коллекция).

ISBN 978-5-389-27260-6

Милостиво и щедро синее небо Байкала. Только на его защиту и помощь рассчитывал знатный бурятский купец Чагдар Булатов, спасаясь бегством со своей семьей в бескрайних степях в 1923 году. Потому младшего внука, которому суждено было родиться посреди цветущего разнотравья, назвал Жимбажамса, что означает «Океан щедрости».

От былой роскоши осталась у Чагдара лишь Сагаалшан — кобылица, которую тот подарил молодой Бурят-Монгольской республике. С этого подарка и начинается история длиной в долгие семьдесят лет. Разруха после Гражданской войны, потери после Отечественной и — трудное созидание. Житейские беды и помогающие преодолеть их взаимовыручка, доброта людей.

В круговороте исторических событий дети и внуки Булатова пронесут память о своем древнем роде, проведут твердую линию верности родной земле, будут стойко следовать советам Чагдара и стремиться к тому, чтобы семья оставалась вместе.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

© Ясникова Т., 2025
© Оформление.
ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2025
Издательство АЗБУКА®

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Рождение Жимбажамсы. Путь бегства меняет направление

Жимбажамса родился тихим-тихим весенним деньком, ближе к благодати летнего травянистого бескрайне-цельного покоя. Он нарушил тишину криком радости, а взрослым показалось — страдания. Потому что взрослые ощущали потерянность и сидели на едва выступавшем степном взгорке; мужчины — в седлах, их пегие кони, два коня (мужчин тоже было двое) отдыхали от вьюков, прежде незнакомые с вьюками; кони клонили голову к сочной цветущей траве и косили глаза в сторону тесной группы сидящих; а женщины сидели на сером войлочном ковре с орнаментом алтан-хээ, чем-то напоминавшим греческий меандр, но для отдыхающих означавшим идею вечного движения, в котором они теперь пребывали; не то вынужденно пребывали, не то как должно. Этого они и не могли понять и больше были потеряны оттого, что не могли понять, а не оттого, что оказались гонимы. Хотя это было понять трудней всего. Как можно быть гонимыми на родной земле? В родной бескрайности? Куда можно гнать людей, когда бескрайность повсюду, круглая, как уютная юрта, только неохватная глазом?

Старуха Цыпелма приняла роды у невестки Лэбримы, потому что семья была одна, бежала из улуса одна, и повитухи не было. Мальчика завернули в кусок далембы, оставшейся

от ношеного-переношеного бабушкиного тэрлига, так что от одяния осталось одно понятие — тэрлиг, летняя одежда, а чем она была, и не понять; в общем, кусок китайской далембы, который по ветхости не без иронии можно было отнести к временам хунну.

Первыми ребенка увидели, конечно, девушки, прыснули в ладошки при объяснении Цыпелмы: «Мальчик». У него еще не было имени. Но вторым его увидел сердитый дедушка Чагдар, Чагдар Булатов, он всегда был сердит и даже грозен, словно отвечая своему имени «с ваджрой в руке», и даже не он бы из мужчин увидел первым ребенка, но отца среди беглецов не было; и вот дедушка Чагдар, тяжело блеснув щелками глаз, словно двумя медуниями, выдохнул:

— Жимбажамса.

Цыпелма была его женой, она давно сподобилась перечить мужу, видимо, переняв часть его сложного нрава, и смело, но не нарушая тишины и покоя, спросила:

— Отчего? Отчего Жимбажамса? Где ты видишь океан щедрости посреди бескрайности несчастий?

Дедушка знал по опыту, что старухе лучше ответить, и как можно скорее, чтобы хуже не было. И заметив, что внук Зоригто-смельчак попятился подальше, потихоньку съехав с седла на траву, пояснил:

— Посредине океана несчастий не годится ребенка называть Нохоем, как мы хотели назвать его еще вчера. Ни к чему подобные глупые имена. Рождение мальчика в чистой степи есть щедрость тенгриев. И пусть он ответит им своей щедростью и станет называться Жимбажамса.

Цыпелма, «умножающая жизнь», согласилась. Сама она родила восемь дочерей и восемь сыновей и понимала, что имя что-нибудь да значит. Хотя где они, сыновья? Где дочери? Здесь их две, и обе без мужей, а сына ни одного. На дворе стоял тысяча девятьсот двадцать третий год, двое сыновей ранее ушли с белоказаками и не вернулись. А другие сыновья — не живы точно. Впрочем, не время сейчас говорить об этом.

Зоригто, откинув камни у приметной небольшой горушки со звенящим возле нее младенчески чистым и веселым аршаном-ключом, с помощью знатного и любимого ножа-хутага, злой,

что использует его не по назначению, взрезал в песке и гальке углубление, положил в него серебряный рубль и отошел, отвернувшись от неприятных ощущений. Цыпелма положила в углубление послед новорожденного, собранный вместе с кровавыми сгустками на большом листе лопуха, и присыпала песком и галькой. Старик Чагдар тем временем вырезал на достаточно большом камне свой знак дорчже-ваджры, принес камень, положил на послед знаком вниз и пометил на своей карте местности это место.

Раздался резкий топот копыт. В мыслях о совершаемом и о новорожденном родичи не увидели, как Зоригто вскочил на коня. Он стремительно кинул его куда-то в степь, не спросившись у деда. Чагдар только подавил вздох. Из восьмерых сыновей и шестерых внуков все последнее время рядом был один Зоригтошка, приходилось терпеть его выходки.

Цыпелма понесла омытого в аршане ребенка к матери-роженице, оправлявшейся за ширмой, — впрочем, не ширмой: это был войлочный ковер бесконечного движения алтан-хээ, на котором обычно сидели женщины. Сейчас они все стояли и глядели вслед удалявшемуся Зоригтошке, а сестры Лэбримы Гыма и Номинтуя, сами вызвавшиеся поддержать войлок, не могли этого видеть, они смотрели на северо-запад, на клонящееся за Байкал солнце, и были рады только, что Лэбрима разродилась при свете дня и что ночь обещает быть сухой и теплой. В этом все находили благоприствование, исходящее именно от новорожденного.

Наконец Цыпелма смогла передать его матери, привстав на цыпочки. Лэбрима, Гыма и Номинтуя как на подбор были сильные и рослые.

— Жимбажамса, — сказала старуха невестке.

— Жимбажамса, — повторила невестка за ней еле слышно.

Но и сестры услышали, как наречен младенец, и передали его имя дальше, а там застыли в ожидании доброй вести абга эгэшууд, две тети младенца. В благословенной степи было тихо, шелест звука имени пролетел по ней, словно ее собственное удивление и ее вздох.

Цыпелма вернулась к мужу. Что-то тревожило ее больше, чем океан тревог, с которым они теперь жили.

— Минии нухэр, — вкрадчиво и необычно произнес Чагдар, обращаясь к жене, — друг мой, а кто же отец ребенка? Я так долго не спрашивал об этом, загадав, что, если будет мальчик, не спрошу, ну все же кто?

— Намжил.

Старик нащупал левой рукой заднюю луку седла, словно став вдруг слепцом, и приподнялся.

— Намжил? Какой Намжил?

— Ну отец ребенка!

— Я понимаю, что отец. Какой Намжил?

— Ну отец, — снова повторила Цыпелма, словно лишившаяся дара понимания. — Родной отец.

— Я понимаю, что родной, — медленно произнес Чагдар, словно боясь спугнуть догадку и поэтому не раздражаясь. — Наш, что ли, Намжил? Мой сын Намжил? Наш сын Намжил?

Старуха, довольная, кивнула. Она потеряла дар речи.

— Ну что ты стоишь столбом? Отчего я не знаю? Намжил жив?

Старуха отпила родниковой воды из стоявшего рядом с седлом берестяного сосуда.

— Жив был девять месяцев назад. Он едва показался мне. Я не решалась тебе сказать, что он не предстал пред тобою, а нашел свою Лэбриму. Как ты видишь, результат от этого оказался гораздо большим, чем если бы он повидал тебя. Родился Жимбажамса.

Старик и не знал, что на это сказать.

— Куда же он ушел? — наконец спросил он жену, взяв из ее рук сосуд и испив тоже.

— Я не успела спросить. Лэбрима тоже не успела спросить. И откуда он, она не спросила. Я тоже не спросила. Не успела спросить.

— Так не дух ли это был сына? — словно осенило Чагдара.

— Лэбрима вряд ли скажет, что дух. И мне духом не показался. Конь его вороной был пегим от пыли. И халат его и малгай были в пыли. И он не очистил ни коня, ни халата с малгаем, так и умчался.

— В каком направлении?

— Он поскакал вдоль юрт... Я не помню... Я не думала... Мне было не до того...

Старик опустил на седло. Старуха догадалась, что он погружается в молчание. Она отошла словно бы назад, туда, откуда они пришли.

— Куда же направилась уважаемая Цыпелма? — с тревогой спросила глядевшая в степь Номинтуя; еще в начале их похода баабай велел ей следить за степью и горизонтом.

— Наверное, она беспокоится, где же наша Аяна, — отозвалась нежная Энхэрэл, — и пошла ее встретить.

Энхэрэл была одна из дочерей Чагдара и Цыпелмы. Зоригтошка и Аяна — ее самые младшие дети, теперь единственные. Она очень беспокоилась об Аяне, а теперь и внезапно исчезновении Зоригтошки.

— Мы остановились здесь, чтобы накопить силы для дальнейшего пути, — проговорила старшая сестра Энхэрэл, Бальжима. — А мать растрчивает их. Надо ее вернуть! Мне кажется, что отец мог сказать ей что-нибудь резкое, и она удаляется, не думая о последствиях.

— Прошу тебя, Гыма, верни уважаемую Цыпелму, — попросила сестру Номинтуя. — Я не могу покинуть наш стан, баабай прогневается на меня!

Гыма поднялась с войлочного ковра быстрее испуганной оленихи, словно плетения алтан-хээ произвели над ней свое магическое действие, и помчалась по степному неровному бездорожью, как была, босая, не надев на ноги душные овчинные гуталы. Вскоре она увидела, что Цыпелма остановилась, и остановилась тоже, чтобы разглядеть даль. А там она увидела пыль, и отару, и Аяну на белой чистопородной кобылице.

Цыпелма, ушедшая в степь, чтобы справиться со своими чувствами и спеть очень непростую песню радости, тревоги и тоски одновременно, и успевшая только пропеть приветствие щедрому яркому разнотравью мая, вдруг увидела пыль и точку на горизонте, и смолкла, потому что это приближалась Аяна на Сагаалшан-кобылице, ведя их крошечную отару.

Всего этого не видел старый Чагдар. Он раскачивался на лежащем на земле седле, словно на коне, и негромко пел, как ему казалось, позорную песню:

Где же вы, мои бесчисленные табуны,
Мои пестрые тучные стада,
Мои невероятно пышные отары,
Мои алмазноструйные Хэрен и Аршан?!
Все я потерял, изгнанник в родной степи!
Не спрошу я больше, где вы,
Я спрашиваю в последний раз!

Тут выкатилась из его прохуdivшегося старого глаза слезинка, а он утер ее пыльным рукавом, заморгав от попавшей в глаз пыли, и посмотрел на женщин. Впрочем, они сидели в таком отдалении, что и слышать его песни не могли, не то что заметить слезу.

Из Тункинской долины спешили они все в сторону Монд, желая раствориться в монгольских степях, но и сомневаясь в такой возможности. Чагдару было известно, что там правит Дамдин Сухэ Батор, смелый потомок разбойников-сайнэров, но он не знал, что вечное движение за три месяца до рождения Жимбажамсы унесло дыхание великого сайнэра в страну временного покоя, и в немирной Монголии новые волнения.

Чагдар поднялся на ноги, увидев, что женщины поднялись все, кроме забывшейся и отдыхающей от родов Лэбримы, лежащей с Жимбажамсой в их кольце, поднялись и смотрят туда, откуда они все пришли, примяв гуталами травяное бездорожье. Тогда и он посмотрел из-под руки туда же и увидел высоко на Сагаалшан-кобылице внучку Аяну, отару, Цыпелму с Гымой.

«Пел я глупую песню, — укорял Чагдар сам себя, — а надо было петь бесконечное “Ом”, облегчая движение материи по хаосу противоречивых духов! Но, впрочем, Вечное Небо не дало Аяне сбиться с пути. А может быть, это чутье Сагаалшан-кобылицы вело ее... И каким же я путаником стал! То сам дурак, то Небо славлю, то кобылицу. А надо отключить все мысли и гудеть одному, как тысяче лам, “Оммм”».

Он натянул гуталы, сделал несколько шагов вперед и остановился, как подобало лицу, исполненному знатностью происхождения и достоинствами древнего рода.

Энхэрэл поспешила встречать дочь Аяну, Гыма поспешила к сестре Номинтуе, а Бальжима, когда-то важная и великодушная, осталась с роженицей и ее дитем и смогла прилечь на ковер, прежде не открыв никому своей усталости и права старшей прогнать всех со своего ковра — единственного, что осталось от ее белойлочной юрты.

Женщины встретили Аяну, окружили отару, подзывая овец: «Тээгэ, тээгэ» — Энхэрэл взяла под уздцы Сагаалшан-кобылицу, коснувшись босой смуглой ступни дочери. Ехала Аяна без седла.

— Мы уже потеряли тебя, Аяна-басаган, — прошептала Энхэрэл смущенно, не умея упрекнуть и сказать жестко. — Так сильно потеряли нашу Аяну-басаган!

Радостной толпой пошли они, женщины и животные, к стоявшему грозно старцу Чагдару, опустившему потрепанный малгай по самые глаза. От синих гор прилетел белый орел и высоко парил, делая медленные круги, говорящие о штиле воздушного океана.

— Где ж ты была, зээ-басаган? — строго спросил Чагдар, но больше для остратки.

Аяна же в ответ промолчала.

Упрекнуть ее было не за что, и девочка знала это. Ей было доверено важное, второе важное после того, как ее родному брату Зоригтошке, ставшему не слишком давно единственным, была поручена охрана семьи. Аяне была доверена жеребая элитная кобыла, которую старик Чагдар не мог не увести в бегство, дорожа ею. Но кого же можно было посадить на нее, если нельзя было никого сажать? Только легкую и проворную Аяну! Старик раньше не раз замечал, как она с подругой Бадармой и другими девочками-подростками вскакивает на молодых неоседланных коней и носится, таясь, за рекой Хэрэн и порослью ив. И это все наделала революция! Молодежь стала непокорна. А с другой стороны, может быть, однажды Аяна смогла бы спастись бегством на коне, если бы

на них напали красные, белые, бандиты или просто чужаки. И Чагдар помалкивал, а когда понадобилось им уйти, он и не нашел никого, кроме Аяны, чтобы посадить на Сагаалшан-кобылицу. И кто бы тогда погнал их крошечную отару, толику от того, что они оставили в улусе людям?

Отара медленно шла, щипая траву, и еще медленнее шла кобылица, доживавшая свой одиннадцатимесячный срок. Аяна почти и не садилась на нее, а ступала рядом босыми ногами, которые кололи попадавшие проростки чертополоха и острые камешки. Шла и косилась на вымя Сагаалшан-кобылицы. Дед Чагдар сказал ей, что если оно увеличится, то, значит, кобыле скоро жеребиться, и тогда на нее нельзя забираться, а пока лучше ехать верхом, так быстрее, чтобы не остаться один на один с кобыльим выжеребом. Аяна старалась как могла и временами погоняла овец, не давая им кормиться и рискуя, что они выйдут из повиновения и разбегутся. Однако все шло порядком. Баабай выбрал вожакотобранных им овец такого красавца барана, что тот забывал поесть, лишь бы овцы видели его впереди отары.

— Агууехэ-хуса, — насмеялась Аяна над гордым животным, придумав ему имя, — ты так красив и тучен, поспедай поскорее, порастряси свои жирные туки! Овечки влюбились в тебя!

В этом пути смешил ее еще и Шаала-пес. Он прибил к семье, когда ночью при свете звезд они тронулись в путь, потому что был бездомным. Он спал себе в ложбинке, но, почуяв шестым чувством запах знатного рода, присоединился к шествию. Когда Аяна отстала от всех со своим неповоротливым хозяйством, выяснилось, что Шаала остался с ней. Как может он стережет отару — в общем, выслуживается, желая получить хоть сколько-нибудь сушеного творога или мяса.

Однако при Аяне уже была Булгаша-соболятница, собака ее погибшего на Первой мировой отца, охотника Эрдэни. Булгаше Зоригтошка приказал охранять сестру. Так что девочка не скучала. Булгаша скрадывала и давила степных сусликов, Шаала носился, сердя ведущего овец Агууехэ-хусу, овцы бебекали, а гордая Сагаалшан-кобылица послушно и не спеша, изредка пощипывая травку, шла позади этого разнобоя. Жере-

бые кобылицы отличаются тем, что охраняют означенную ими самими территорию. Однако Сокровище семьи Сагаалшан терялась в этом просторе, и тревожно поводила ушами, и ложилась в тень от деревьев, потому что не могла понять, где же границы ее неназванной республики.

Что же случилось, что семья стронулась с места, а дед Чагдар шел абы конно, на худом коньке, надвинув малгай по самые глаза, чтобы его не узнали?

Конечно же, сначала в державном Петербурге, где стоял великий дацан Гунзэчойнэй, источник святого учения Всесострадающего, случилась революция, и ламы сообщали недоброе.

В тысяча девятьсот восемнадцатом и девятнадцатом годах среди бурят, знатных и не очень, начались междоусобные стычки, вспоминались старые обиды, порой не от века этого, а неизвестно от какого, из предания, а может быть, и выдуманные своими или же подстрекателями. И в результате этих стычек, а еще и заполыхавшей в Иркутске войны русских с французами, каким-то Жаненом, каким-то Гайдой-чехом, пришли к власти красные в красных штанах. Тут и старший сын Чагдара, могучий хонгодор Арсалан, поссорился с сыном главы рода сойотов Тубшином, поссорился не нарочно, а на охоте в горах, застрелив того белого барса, которого несколько дней уже преследовал Тубшин. У тела барса они подрались, и Арсалан в горячке всадил боевой нож в печень Тубшина.

Арсалан, поостыв, извинялся перед семьей Тубшина, и платил им большие деньги, и давал много овец, но это не помогло. Сын Тубшина призвал на помощь из-за гор родственников ему тувинцев, и они вырезали всю семью Арсалана, застрелили его самого, и его шурина, мужа Бальжимы-великолепной, и всех их детей и пригрозили добратся до старика Чагдара, который в семье был уже почти что святой. Что им, чужим, чужой род, когда кругом хозяйничает революция, правило «отнимай и убивай».

Вот и бежал Чагдар с остатками своей семьи, бежал через землю же сойотскую, прикинувшись бедняком, которым

и стал теперь на самом деле, хотя и нес в своей голове, как в огнеупорном глиняном горшке, огонь всезнания и знатности.

Чагдар был купец и воин, он знал язык русских, и монголов, и китайцев, и родную премудрость, но сейчас он, встретив Аяну и кобылицу, которой нужен был покой, чтобы разродиться благородным жеребенком, не мог решить, что делать дальше. А все, кто был с ним, знали это. Они знали, что их дело не перечить баабая, но выстилать путь перед ним шелковой добродетелью. И тогда случится важное: Великое Небо благословит старика.

Он собирался произнести, что надо возжечь костер, подоить овец, сварить зеленого чая с молоком и салом, но тут прискакал Зоригтошка. Он оглядел всех, не удивившись прибывшим сестре Аяне, Сагаалшан-кобылице, Агуухэ-хусе и овечкам, потому что принес мысль более чем удивительную.

— Простите меня, дедушка Чагдар, — не без важности произнес он. — Вы слишком были заняты мальцом, ничем не показавшим себя, кроме мышинового писка, поэтому я счел, что и спрашивать вас в вашем благородном затмении нечего. Я нашел благоприятный ночлег. Небо подсказало мне кинуться в степь, я скакал бессмысленно, но предо мной предстала брошенная русская деревня с богатыми избами. Все же мы не разбойники, чтобы ночевать в открытой степи, где гуляют бесприютные духи. Так следуйте за мной!

— Так! — произнес Чагдар тоном, не предвещающим ничего хорошего.

Но внук его был его внук, а не безродный бродяга. Он и бровью не повел перед лицом гнева баабая. А конь под Зоригтошкой затанцевал, словно склочный малый, почувший увлекательную драчку.

— Так! — повторил Чагдар, «имеющий ваджру в руке», и произнес: — ОМ БЕНЗА САТО САМАЯ МАНУПАЛАЯ БЕНЗА САТО ТЕНОПА ТИТА ДРИ ДО МЕ БАВА СУТО КАЁ МЕ БАВА СУПО КАЁ МЕ БАВА АНУ РАКТО МЕ БАВА САРВА СИДДХИ МЕ ТРАЯЦА САРВА КАРМА СУЦА МЕ ЦИТАМ ШРИ Я КУРУ ХУМ ХАХА ХАХА ХО БАГАВЭН САРВА ТАТХАГАТА БЕНЗА МА МЕ МЮНЦА БЕНЗА БАВА МАХА САМАЯ САТО А.

Зоригто спешился и стал похож на ягненка. А Чагдар сел на землю на седло своего захудалого конька и повторил великую мантру Ваджрасатвы сто восемь раз. Все женщины в почтительном и действительном страхе отошли на приличное расстояние к войлочному ковру Бальжимы, а с ними кобылица, и овечки, и Булгаша-соболятница. Агууехэ-хуса остановился на полпути, а Шаала-пес лег на землю у ног Чагдара и пробил хвостом ну точно не меньше ста восьми раз.

После того грозный Чагдар подозвал всех к себе взмахом кисти правой руки и, когда женщины, кобыла, овцы и соболятница приблизились к нему, произнес:

— Я признаю себя союзным внуку своему Зоригто. Я соединяю свое бывшее могущество с его сегодняшней глупостью. Я полагаю, что между этими вещами есть знак равенства. Что ж, не будем мы сейчас варить чай и вкушать дары земли и неба, а отправимся в пустую русскую деревню, что нашел Зоригто. Ибо древнейшее учение Дао дэ цзин называет пустоту величайшим сокровищем вселенной. Может быть, после пустого и чуждого нам ночлега обретем мы нужную нам дорогу. Слышал я от русских поговорку: «Утро вечера мудренее».

Все вместе они отправились в путь неспешно, с тяжелыми раздумьями о своей печальной участи. Они продвигались с такой горечью во всем теле, что глупые овечки и кобылица с Аяной уже не отставали. Потому что показалось женщинам, что ноша их вдвое тяжелее, чем была утром, коням показалась чрезвычайно тяжелой их поклажа, так что Чагдару и Зоригто пришлось спешиться и идти с ними рядом; Лэбриме показалось, что Жимбажамса стал значительно тяжелее, чем был во чреве. Сосцы Сагаалшан-кобылицы набухли, предвещая приближающийся ожереб. Шаала-пес вообще остался лежать на стоянке, словно сто восемь взмахов хвостом истощили его силы. Один только глупый Агууехэ-хуса продолжал нести свои жирные туки так споро, что возглавил путь уставших.

За час они дошли до огородов русской деревни, заросших травой.

— Давай, дедушка, нагаса аба, запустим овец в ближайший огород, тогда ночью не надо будет караулить их, — предложил Зоригтошка. — Я обшарил всю деревню, ручаюсь, что людей нет.

— Запускайте, — согласился грозный Чагдар.

Шествие остановилось. Зоригто добрал до одного из огородов, увязая в пашне прошлого года с самостийно взошедшим овсом, и нашел калитку, и вождь овец сам завел в нее отару, словно читал по книге судеб. Оставалось только напоить животных, набрав воды из колодца с возвышающимся над ним стволом журавля.

Через огород и двор Зоригто вывел родичей на широкую улицу. Она была одна, староверческих изб в десятка полтора, стоявших в линию, с плотными заставами заплотов. Грозный Чагдар интуитивно направился к самому богатому, украшенному пропильной резьбой дому. Окна его оказались выбиты, из них сквозило нежилым жутковатым холодком.

— Должно быть, здесь жил русский купец, — объяснил Чагдар всем и стянул малгай с головы, невольно следуя русскому обычаю. — Я, может, и знал его, я многих купцов русских знал и вел с ними мену мехами и лошадьми. Здесь мы не остановимся. Мы теперь бедные люди, мы заночуем в бедном доме.

Так они дошли до конца улицы, дальше которой вилась дорога, видимо, на тракт, и оказались во дворе старенькой избенки, у которой окна оказались целы.

— Надо бы нам под прикрытием стен дожидаться ожереба Сагаалшан-кобылицы. Есть здесь и достаток воды, — произнесла Цыпелма.

Гыма и Номинтуя несли на металлическом пруте на плечах тяжелый казан. Они проворно опустили его и стали снимать свои заплечные мешки, а Бальжима и Энхэрэл свои. Никому не хотелось говорить. Баабай замахал руками:

— Костер разведем в огороде, несем казан дальше. Искры могут запалить постройки.

Гыма и Номинтуя снова подняли казан, снова пошли, покорно клоня девичьи неприкрытые головы с богатыми тяжелыми косами черных волос.

— Куда же делись русские люди? — уже за вечерним чаем, держа в изящных пальцах пиалу тонкого фарфора, украшенную угалзой, спросила отца Бальжима.

Чагдар отпил из своей пиалы и ответил:

— Я думаю, их угнали. Они жили хорошо, имели много зерна, скота, коней. А теперь таких преследуют. Всё отнимают у них, а самих угоняют неведомо куда. Или просто расстреливают. Говорили мне знающие люди, что в тамбовских землях было большое народное восстание против власти красных, оно совсем недавно было подавлено чрезвычайно жестоко и кроваво, и многие, получившие там опыт расправы над народом, находят себе применение повсеместно.

— Я не могу понять этого, — прикрыв от ужаса глаза, тихо произнесла Бальжима.

— Это не для людского понимания, — сурово откликнулся Чагдар. — Но я кое-что уразумел. Всё это делают городские политические люди. Теперь превыше всех ценностей фабрики и заводы. Рабочих надо кормить. Для этого всё отнимают у деревенских.

— Зачем же фабрики и заводы? И так хватает всего! А столько людей убили, что и не надо много фабрик и заводов! Объясни, отец! — не могла остановиться Бальжима.

— Я же сказал уже... это не для людского понимания. В наше время надо много производить оружия. Большие страны воюют друг с другом, это требует вооружений, аэропланов, танков, обмундирования, не счесть всего, — терпеливо пояснил Чагдар больше для Зоригтошки, чем для женщин. — Кстати, надо завтра обыскать избы и постройки. Мы совершенно не вооружены. Война и беда отняли у нас все оружие, что было. Мы доверили лук со стрелами Аяне, потому что он девичий и потому что у нее одной нет кинжала. Вооружиться всем не мешает.

— С кем же сможет сразиться наше великое войско? — задала вопрос нежная Энхэрэл.

— Здесь могут бродить одиночные бандиты и целые ватаги. Пусть каждая женщина имеет ночью какой-нибудь металл, чтобы громко застучать и поднять тревогу и пожертво-

вать собой, если надо. Вы не знаете, что бывает в наши дни, а я очень наслышан. Молитесь перед сном усерднее. Гыма и Номинтуя, отправляйтесь спать к отаре. Я же заночую возле кобылицы. Золотом платил за нее, за наше драгоценное Сокровище, как же теперь сохранить его?!!

Чагдар проснулся рано, едва только под навес, где он устроился на ночь, вкрадчиво заглянуло солнце. И не обнаружил поблизости Зоригтошки, нашедшего ночлег рядом. И немного рассердился. Рассердился потому, что не он, Чагдар, первый проснулся, и на то, что Зоригтошка мог встать так рано. Не иначе как с вечера задумал какую-нибудь проделку. И что можно делать в такую рань? Обыскивать избы и постройки в поисках оружия? Так в них еще темно. Старик у вспомнилось, как Зоригто мальчиком стащил у него саблю, вот так же, поутру, и сбежал с ней на луг, а там был медведь, кормившийся земляникой, и одно только то, что в тот год на землянику был невиданный урожай, спасло ребенка. Зверь-сластолюбец слишком увлекся пиршеством. Глянув тогда на Зоригто черными своими глазками, он зачавкал, как поросенок, и даже жалобно простонал, словно ему помешала муха. Впрочем, это рассказал сам Зоригто, а он мог все выдумать. Или только часть. Ведь он дрожал, рассказывая деду о встрече с мохнатым. Пришлось отдать мальчику саблю, которую он вернул, и пойти с ним на луг, и стоять, и смотреть, как тот геройски рубит высокий иван-чай, словно свой недавний страх. Смотреть и жалеть ребенка, отец которого, снайпер Эрдэни, пал смертью храбрых на Первой мировой в тысяча девятьсот шестнадцатом году. Чагдару столько всего пришлось пережить, с того года начиная, что он не мог не измениться нравом. Он стал мягче к своим и беспощадней к недругам и проводил часы, изучая учение Цзонхавы — Ламрим Ченмо, «Большое руководство по этапам пути к пробуждению». Сейчас его рассердило еще и то, что в который раз он начинает утро не с чтения мантр, а с беспокойства о внуке.

Чагдар поднялся, и вышел из-под навеса, и увидел черного Шаала-нохоя, забившего приветливо хвостом, и едва удержался, чтобы не пнуть его. «Надо убить такого негодного

пса, — решил он. — Он бросает нас, когда захочет. И может испортить Булгашу-соболятницу, память об Эрдэни, воспитавшем ее для охоты». Но в следующую минуту он понял, что некому поручить убийство собаки: в улусе животных забивал Хасан-татарин. И снова рассердился, и, взвинченный, испускающая из глаз молнии, пошел из ворот искать Зоригто, не заходя за коньком, оставленным возле отары.

Старик прошел пол-улицы и тогда только осознал, что не на коне отправился на поиски и что Зоригтошка, возможно, ускакал. Он круто повернул назад, взбив дорожную пыль пятками гутал, и направился к огороду, где под навесом мирно дремала отара. Конек его тихонечко заржал, радуясь, что видит хозяина, а вслед за этим тихонечко откликнулся конек Зоригтошки. Старик облегченно вздохнул, снисходительно махнул им рукой и пошел обратно. «И чего это я взбесился? Может, зээ-хубуун отлучился до ветру? Нет-нет, это не так! Даже для приличного поноса это слишком долго!» Чагдар хмыкнул, поняв, что унизил внука, и пошел менее спешно, успокоенный порядком приземленных мыслей. Вот для чего, оказывается, нужны приземленные мысли! Они приносят покой! Вот отчего простаки так смиренны! Ими владеют приземленные мысли.

Чагдар шел, повесив голову, отдавшись жалости к живым, пока эти живые совсем не видят его, и тут узрел следы гутал внука, так отличающиеся от его следов. У Зоригтошки ступня по-юношески узкая, а ступает он таким широким шагом, что можно сравнить со скоком коня. «Может быть, зээ-хубуун отправился на поиски реки? Русские ставят свои деревни, найдя сперва реку». Однако следы внука привели Чагдара на узкую тропинку, вившуюся по небольшому лесистому всхолмию, а наверху был погост. Старик нахмурился.

Его удивлению не было предела. Зоригтошку он увидел скоро. Его драгоценный зээ-хубуун копал могилу! Старик многое мог ожидать от него, но такое ему бы не привиделось и в кошмарном сне. А такой сон он однажды видел, и не слишком давно.

— Эй! Эй! — замахал Чагдар руками. — Зориг! Зоригто! Остановись!

Юноша подошел к деду, отбросив в сторону лопату с обломком черенка, и склонил голову.

— Ну? — спросил Чагдар.

— Нагаса-аба, выслушайте меня! Вчера я натолкнулся на то, что сразу не заметил в деревне, когда нашел ее. Пока женщины разбирали поклажу, я решил порыскать в поисках оружия. Я подумал, что его нужно искать в самом богатом, как ты сказал, купеческом доме. И обнаружил тело застреленного русского юноши. Судя по всему, оно пролежало с зимы, было присыпано пылью. Рука юноши была откинута, а пальцы сжаты так, словно в них был револьвер и кто-то забрал его. Я не стал никому рассказывать эту страшную сказку вечером и решил утром похоронить юношу по русскому обычаю, чтобы женщины не увидели смерть. Я проснулся и нашел этот погост, а на нем недокопанную могильную яму, и решил чуть удлинить ее.

— Ты меня удивляешь, Зоригто. Пусть я забрал часть твоей глупости, но, видимо, для собственных страданий. С одной стороны, правда есть в твоих словах. Этот парень, верно, купеческий сын, и он сражался, защищаясь. Но мы не погребаем иноверцев, а держать в руках лопату — позор для нашего рода, будь в нем хоть один отщепенец.

— Что делать, нагаса-аба, мы должны дождаться ожереба Сагаалшан-кобылицы здесь, не навредит ли в этот момент чужой непогребенный дух выходящему из материнского лона жеребенку?

— Это не исключено, — невесело откликнулся старик. — Что делать, Зориг, веди меня к раскопу, буду смотреть его.

Юноша подвел деда к могиле. Она была когда-то раскопана вглубь на метр с небольшим, а по длине темнела сырой землей, что было результатом свежих усилий. Чагдар долго стоял молча, а Зоригто ждал, когда он заговорит.

— Сними свой драный халат, зээ-хубуун, я дам тебе другой. И отдай его мне. На нем я приволоку тело погибшего и похороню его. Тебе, чистому юноше, не стоит заниматься таким делом. К тому же я видел, как хоронят русские. Идем, показывай мне тело.

Литературно-художественное издание
Әдеби-көркем басылым

СЕРИЯ «ВСЕ СЧАСТЛИВЫЕ СЕМЬИ»

ЯСНИКОВА ТАТЬЯНА
ХОД БЕЛОЙ ЛОШАДКОЙ

Ответственный редактор М. Смылова
Литературный редактор Т. Тимакова
Художественный редактор А. Демочкина
Технический редактор Л. Сеницына
Корректоры О. Левина, Н. Быкова
Верстка А. Кожевниковой

Подписано в печать / Баспаға қол қойылады 13.03.2025.
Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Spectral».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 46,0.
Тираж 3000 экз. Т-NFR-36262-01-R. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» — обладатель товарного знака АЗБУКА 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» ЖШҚ — АЗБУКА тауар белгісінің иесі 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге 191024, г. Санкт-Петербург, ул. Херсонская, д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	Санкт-Петербург қаласындағы «Азбука-Аттикус» Баспа Тобы» ЖШҚ филиалы 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14-үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России. Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растуа туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>
Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ Федералдық заң)

16+

Федеральный закон № 436-ФЗ «О защите детей от информации,
причиняющей вред их здоровью и развитию» от 29.12.2010 г. не распространяется.
«Балаларды денсаулығы мен дамуына зиян келтіретін ақпараттан қорғау туралы»
29.12.2010 ж. № 436-ФЗ Федералдық заңы қолданылмады.